

Содержание

ISSN 2587-8190

Екатерина Мамыкина. Антиномия падения и спасения града в «Казанской истории»	3
Светлана Федотова. Отрывок Пушкина «Вы так откровенны и снисходительны...». (К проблеме жанра)	13
Константин А. Богданов. Пьянство и русская литература: Риторические модели	23
Константин Лаппо-Данилевский. Вячеслав Иванов в диалоге со школой А. А. Потебни и утверждающимся формализмом	42
Лада Панова. Плохопись, вошедшая в золотой канон: как ее комментировать?	89
Андрей Устинов. Маяковский в «Русском Берлине» весной 1924 года	135
Дмитрий Цыганов. «Борьба за право управлять»: К институциональной истории культурных конфликтов сталинской эпохи (1930–1940-е годы)	154
Наталья Крайнева, Яков Слепков. «Немного географии» Анны Ахматовой: Попытка расширенного комментария	174
Сусан Аштарани. Понимание и интерпретация романа В. В. Набокова «Лолита» в Иране в аспекте рецептивной эстетики	194

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
С. К. Коломийцева,
А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2023 XIX (1-2)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2023 (1-2)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolssummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnáâ škola

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям 5.9.3. Теория литературы (филологические науки) с 01.02.2022 г. и 5.9.1. Русская литература (филологические науки) с 20.12.2022 г.

© Авторы статей, 2023

© «Летняя школа по русской литературе», 2023

Contents

Ekaterina Mamykina. Antinomy of the Fall and Rescue of the City in the «Kazan History»	3
Svetlana Fedotova. Pushkin's Excerpt «You are So Frank and Condescending...» (<i>On the Problem of Genre</i>)	13
Konstantin Bogdanov Drunkenness and Russian Literature: <i>Rhetorical Models</i>	23
Konstantin Lappo-Danilevskii. Viacheslav Ivanov in Dialogue With The School of A. A. Potebnia and Early Formalism	42
Lada Panova. Bad Writing Canonized: <i>How to Reflect it in Commentaries?</i>	89
Andrei Ustinov. Mayakovsky in «Russian Berlin» in the Spring of 1924	135
Dmitry Tsyganov. «Fighting for the Right to Rule»: <i>Towards an Institutional History of the Cultural Conflicts of the Stalinist Era (1930–1940s)</i>	154
Nataliia Kraineva, Iakov Slepko. «A little geography» by Anna Akhmatova: <i>an Attempt at Extended Commentary</i>	174
Sousan Ashtarani. Understanding and Interpretation of V. Nabokov's Novel «Lolita» in Iran in the Aspect of Reader-Response Criticism	194

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor), Sophia Kolomiitseva,
Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50.
E-mail: summerschool@list.ru

ДМИТРИЙ ЦЫГАНОВ
(Москва)

«БОРЬБА ЗА ПРАВО УПРАВЛЯТЬ»:

*к институциональной истории культурных конфликтов
сталинской эпохи (1930–1940-е годы)*¹

Культурное производство сталинизма основывалось на работе множества иерархически расположенных институций. Вся сфера советского искусства была четко разделена на две неравные части, первая из которых контролировалась Союзом советских писателей, а вторая — Комитетом по делам искусств. В статье предпринимается попытка обнаружить мотивы и проследить траекторию «культурной войны», разгоревшейся между этими ведомствами в 1940-е годы. Материалом для подробного контекстуального анализа становятся факты персонализации этого институционального конфликта. Центральной причиной сложившегося противостояния, с нашей точки зрения, оказалась несовместимость эстетических взглядов А. А. Фадеева и М. Б. Храпченко, которые на протяжении длительного времени руководили центральными органами сталинской культурной индустрии.

Ключевые слова: институциональная история культуры, культурная война, искусство сталинской эпохи, Союз советских писателей, Комитет по делам искусств.

Информация об авторе: Дмитрий Михайлович Цыганов, магистрант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Москва Россия.

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

«Fighting for the Right to Rule»:

*Towards an Institutional History of the Cultural Conflicts
of the Stalinist Era (1930–1940-th.)*

The cultural production of Stalinism was based on the work of a multitude of hierarchically situated institutions. The whole

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ проект № 20-18-00394 ««Стенограмма»: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.».

sphere of Soviet art was clearly divided into two nervous sections, the first of which was controlled by the Union of Soviet Writers and the second by the Committee of the Arts. This paper attempts to reveal the motives and trace the trajectory of the «cultural war» that broke out between these departments in the 1940s. The facts of the personalisation of this institutional conflict provide material for a detailed contextual analysis. We believe that the central cause of the confrontation was the incompatibility of the aesthetic views of A. A. Fadeyev and M. B. Khrapchenko, who for a long time were in charge of the central bodies of the Stalinist cultural industry.

Key words: institutional history of culture, culture war, art of the Stalinist era, Soviet Writers' Union, Committee of the Arts.

About the author: Dmitry Tsyganov, graduate student of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

DOI 10.48612/sum-2023-19-1-2-154-173

1.

В конце лета 1941 года параллельно с повсеместным обострением кризисных явлений в Союзе советских писателей, секретарем которого был отличавшийся пристрастием к выпивке А. А. Фадеев, началось брожение, грозившее масштабным переделом в кругу писательского истеблишмента. Начало этому несостоявшемуся переделу стало секретное обращение бывшего директора Гослитиздата (в 1937–1939 годы), заместителя начальника Совинформбюро С. А. Лозовского к своему прямому начальнику — секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову — от 3 сентября 1941 года. В нем отмечалось «совершенно недопустимое отношение т[оварища] Фадеева к своим обязанностям», неоднозначно интерпретировавшееся в писательской среде (запою Фадеева предшествовала его поездка на фронт). Лозовский писал:

На протяжении всего времени его работы в Информбюро он [Фадеев. — Д. Ц.] периодически исчезает на несколько дней, совершенно не интересуясь порученным ему делом. Вместо того чтобы собирать вокруг Литературного отдела писателей, привлечь наших музыкантов, кинорежиссеров, композиторов и всех работников искусства для сотрудничества в иностранных газетах и журналах,

т[оварищ] Фадеев растерял то, что было с самого начала организовано. Нельзя дальше терпеть такое отношение к работе, особенно в условиях военного времени. Я предлагаю:

1. Освободить т[оварища] Фадеева от работы в Информбюро.
2. Назначить зав. литературной группой Евг[ения] Петрова [Е. П. Катаева — брата В. П. Катаева, соавтора И. А. Ильфа. — Д. Ц.].
3. Дать ему в качестве заместителя члена партии т[оварища] Бурского.

Чем скорее мы проведем эти решения, тем лучше.¹

Глава Совинформбюро Щербаков ознакомился с этой запиской не позднее 7 сентября 1941 года. Тогда же об этой ситуации было сообщено в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), руководителем которой был А. А. Андреев, сменивший на этом посту расстрелянного в начале февраля 1940 года Н. И. Ежова. Фадеев направил туда объяснительную записку (этому предшествовал разговор с М. Ф. Шкирятовым), датированную 10 сентября 1941 года, в которой секретарь Союза советских писателей СССР писал:

Считаю своим партийным долгом объяснить, как мог случиться такой постыдный факт, что я, член ЦК партии, руководитель Союза писателей и работник Информбюро смог в течение семи дней пропьянствовать и не являться на работу в наше напряженное время.

<...>

То обстоятельство, что мое пьянство сейчас произошло сразу по возвращении с фронта, является обстоятельством случайным. <...>

Вся беда в том, что такие нездоровые прорывы в моей работе бывали и раньше и сопровождают мою жизнь. Они не так часты, но в них много нездорового в силу их затяж-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 69. Л. 24. Документ опублик. в: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг.: Сб. документов. М., 1994. С. 66–67. 27 июля 1941 года А. А. Первенцев записал в дневнике: «Фадеев пьет уже пять дней. Мне это сказал Оськин <...>. Все пьют. В чем дело? Где же их хваленая партийность?» (цит. по: Первенцев А. А. Дневники: 1941–1945. М., 2011. С. 43).

ного характера — это признаки алкоголизма или склонности к нему.¹

Вслед за этим обращением последовала и вторая записка на имя Шкирятова от 13 сентября 1941 года.² В ней Фадеев не только оправдывался перед заместителем председателя Комитета партийного контроля за свое предыдущее послание, называя его «гнилым и обывательским», но и снимал с себя ответственность за пристрастие к выпивке; алкоголизм, по словам адресанта, «есть результат многолетнего и небезуспешного эксплуатирования моей слабости (в части выпивки) всякого рода богемскими и обывательскими элементами из литературной среды — на выгоду им и во вред партии».³ Под «обывательскими элементами» имелись в виду (и Фадеев прямо об этом пишет) прежде всего вдова «человека антисоветского», Е. С. Булгакова, (она была его любовницей), любезно предоставившая руководителю писательской организации «убежище», и населявшие ее квартиру «политически сомнительные люди». Еще более комическими на фоне этого гнусного доносительства выглядит обещание Фадеева покончить с алкогольной зависимостью (ср.: «пьянство я прекращу, в этом можете мне поверить»⁴). К слову сказать, побороть это пристрастие будущему «литературному генсеку» так и не удастся.⁵

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 280. Л. 3. Подчеркнуто в тексте документа. — *Д. Ц.*

² См.: Там же. Л. 6–7.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ См. анонимную докладную записку в Центральную ревизионную комиссию КПСС (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Ед. хр. 84. Л. 101–105). В этом документе содержались обвинения Фадеева в пьянстве (отмечалось, например, что закусочную в Переделкине прозвали «Фадеевской») и пагубном влиянии на работу писательской организации (ср.: «Общая деятельность Фадеева — развал работы в Союзе, бюрократизм, нетерпимость к критике...»). 16 декабря 1954 года об этой записке было сообщено Н. С. Хрущеву. Интересно, что ключевые тезисы документа почти дословно повторяют те обвинения, которые обиженный на Фадеева В. Я. Кирпотин изложил в докладной записке А. С. Щербакову от 10 февраля 1942 года. Например, Кирпотин обвинял секретаря правления в «развале работы в Союзе» (см.: *Кирпотин В. Я.* Ровесник железного века: Мемуарная книга. М., 2006. С. 469–476).

21 сентября 1941 года было принято постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О т. Фадееве А. А.»,¹ а через два дня, 23 сентября, оно было утверждено Политбюро.² В отношении провинившегося функционера был объявлен выговор с предупреждением о возможности «более серьезного партийного взыскания»³.

Еще больший хаос в непростую организацию литературной жизни первых военных месяцев внесло секретное (особой важности) постановление Государственного Комитета Оборона СССР «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы» № 801сс от 15 октября 1941 года за подписью Сталина.⁴ Перед Фадеевым была поставлена задача под личную ответственность «вывести писателей, имеющих какую-нибудь литературную ценность».⁵ Список этих писателей был составлен работником Агитпропа ЦК А. М. Еголиным и насчитывал сто двадцать фамилий (без учета родственников литераторов) из числа тех, кто не был эвакуирован еще в начале войны (около семисот человек), кто не уехал самостоятельно (около ста человек) и тех, кто не находится на фронтах (около двухсот человек). По понятным причинам при организации возникли серьезные затруднения, которые были связаны с транспортировкой писа-

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Ед. хр. 95. Л. 9. Документ опублик. в: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 67.

² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 1042. Л. 30. Документ опублик. в: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 475.

³ Кирпотин в письме к жене от 24 сентября 1941 года писал об этой ситуации: «В Союзе такие дела: Фадеев Саша получил выговор, оставлен на работе в Союзе и в „Лит[ературной] газете“. То есть он — официальный руководитель Союза. Мы договорились о разделении работы. Я буду вести агитацию, пропаганду, журналы, издательства. Но пока, в первые дни, он в Союзе бывает мало. Я всех принимаю и подписываю бумаги» (цит. по: *Кирпотин В. Я.* Ровесник железного века. С. 454).

⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 155. В архивном фонде также сохранился черновой вариант постановления с правкой Сталина (см.: РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 19–22).

⁵ Цит. по: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 68.

телей¹ (если 14 октября эшелоны отправились по плану, то 15 октября вагоны в Ташкент и Казань предоставлены не были). Замешательство Фадеева и общее ухудшение и без того сложной обстановки после ликвидации в Москве Союза писателей привели к закономерному общему недовольству литераторов работой руководителя. Такое уязвимое положение создавало вполне благоприятные условия для новых локальных атак, главной целью которых была смена руководства в писательской организации. Однако Фадеев, в полной мере ощутивший масштаб грозящих за его промедление последствий, уже 13 декабря 1941 года написал объяснительную записку,² адресованную Сталину, Андрееву и Щербакову; в ней он отчитался о проделанной работе, сделал акцент на безальтернативности принятых решений и возложил ответственность за неудачи в организации эвакуации на Кирпотина, который его «распоряжений не выполнил и уехал один, не заглянув в Союз». Недовольство в писательской среде Фадеев объяснял личными мотивами: «Работа среди писателей (в течение 15 лет) создала мне известное число литературных противников. Как это ни мелко в такое время, но именно они пытаются выдать меня сейчас за „паникера“».³ Позиция «активного борца за дело Ленина и Сталина» надежно обезопасила «писательского начальника» от возможных последствий допущенных «ошибок, промахов и проступков». Редкие залпы этого неудавшегося противостояния то и дело будут раздаваться на «культурном фронте», однако статуса полноценной кампании так и не обретут. Незначительные, но весьма многочисленные докладные записки мелких партийцев (например, обвиненного в неисполнении

¹ Несколько более удачно обстояло дело с эвакуацией деятелей искусства и учреждений культуры, которой занимался Храпченко. За относительно небольшой срок ему удалось организовать перемещение большинства театров Москвы и Ленинграда в отдаленные от линии фронта города СССР.

² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 69. Л. 29–31. Документ опубликован в: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. С. 476–478.

³ Цит. по: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 70.

возложенных на него обязанностей уполномоченного ССП Кирпотина или эвакуированных писателей, недовольных отсутствием внимания со стороны руководства Союза¹) хоть и обнажали недостатки фадеевского руководства Союзом писателей, но попросту не могли произвести эффекта, достаточного для хоть сколько-нибудь серьезного удара по репутации Фадеева, обеспеченной покровительством самого Сталина. Вполне закономерно Фадееву удалось сохранить за собой должность в писательской организации, предот-

¹ В письме Н. А. Ломакина к А. А. Андрееву от 17 октября 1941 года (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 68. Л. 185–187) подробно описан не только сам механизм назревавшего передела в Союзе писателей, но и мотивы этого предприятия: «...за последнее время среди этих [т. е. эвакуированных. — Д. Ц.] писателей имеют место нездоровые настроения и попытки организованно выступить против руководства Союза Советских писателей. Например, 3 дня тому назад в ЦК КП (б) Уз[бекистана] пришел Алексей Толстой и от имени всех московских писателей, находящихся в Ташкенте, поставил вопрос о необходимости „полной реорганизации и обновления руководства Союза Советских писателей СССР“, имея в виду получить у нас поддержку в такой постановке вопроса. Алексей Толстой заявил, что Фадеев и его помощники растерялись, потеряли всякую связь с писателями, судьбой их не интересуются <...>. Он, в частности, высказал свое возмущение тем, что т[оварищ] Фадеев, под пьяную руку, выдает безответственные мандаты отдельным писателям на право „руководить“ различными отраслями писательской работы в Узбекистане. Такие мандаты, по заявлению т[оварища] Толстого, были выданы Фадеевым т.т[оварищам] [В. Я.] Кирпотину, [П. Г.] Скосыреву, [С. Я.] Маршаку и [А.] Ниалло. Дело дошло до того, что группа московских писателей с участием Алексея Толстого (особое рвение проявляет [Н. Е.] Вирта) постановила на своем собрании объявить выдачу таких мандатов незаконным делом и немедленно отобрать их у всех перечисленных выше товарищей и, в частности, у т[оварища] Кирпотина, находящегося в Узбекистане. В результате этого, т[оварищ] Кирпотин не только не оказывает никакого влияния на работу московских писателей, но и окружен нескрываемым презрением с их стороны» (цит. по: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 72–73). Позднее, в январе 1942 года, и В. В. Вишневский в письме к В. П. Ставскому сообщал о серьезных недостатках работы руководства Союза писателей и лично Фадеева: «Будешь на президиуме, ставь вопросы о долге сов[етского] писателя со всей силой. <...> Где руководство ССП, забота о людях, связь с фронтов[ыми] товарищами, помощь?.. Чем были заняты люди в президиуме?.. Глядеть надо не в стакан и не на „рубежи“ Чистополя, Ташкента, Алма-Аты, а на Запад...» (цит. по: «Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Документы и комментарии. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. М., 2015. Т. 2. Кн. 1. С. 277).

вратив назревавший «переворот» уже на начальной стадии. Впредь «писательский чиновник» будет куда внимательнее относиться к обстановке в Союзе и тщательнее подходить к выстраиванию взаимоотношений с окружающими его «литературными работниками» и партфункционерами всех мастей.

В военный период зримо обозначился *институциональный конфликт*, вместе с тем имевший и персональное измерение. Борьба за установление сфер влияния между Союзом советских писателей, находившемся в ведении Фадеева, и Комитетом по делам искусств при Совнаркоме СССР под начальством Храпченко в первую половину 1940-х вошла в наиболее активную фазу.¹ (Примечательно, что никаких свидетельств неформального общения Храпченко и Фадеева за пределами заседаний Комитета по Сталинским премиям не сохранилось)². В первой половине 1930-х годов официальное советское искусство по повелению партийного начальства было условно поделено на литературу и остальные сферы. Институционально это деление было закреплено сперва постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций»³ от 23 апреля 1932 года, а затем и учреждением Союза писателей СССР на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в августе 1934 года. Писательская деятельность таким образом была подчинена «литературному министерству» — «Союзу советских писателей с коммунистической фракцией в нем». Вскоре эта же

---

¹ Между тем во второй половине 1920-х годов деятельность и Фадеева, и Храпченко тяготела к рапповскому контексту раннесоветской литературы. В 1927–1932 годах Фадеев входит в редколлегию журнала «На литературном посту», где свои первые литературно-теоретические статьи печатает Храпченко (см., например: Храпченко М. 1) К проблеме стиля // На литературном посту. 1927. № 19. С. 22–29; 2) О смене стилей // На литературном посту. 1927. № 24. С. 18–27).

² Среди архивных и опубликованных материалов нам не удалось обнаружить ни писем Храпченко к Фадееву, ни писем Фадеева к Храпченко.

³ Документ опубл. в: О перестройке литературно-художественных организаций // Правда. 1932. № 114 (5279). 24 апреля. С. 1. 7 мая 1932 года было принято постановление Оргбюро ЦК под названием «Практические мероприятия по проведению в жизнь решения о перестройке организаций писателей» (см.: На уровень новых задач, [редакционная] // Правда. 1932. № 127 (5292). 9 мая. С. 2). Оргкомитет Союза писателей по РСФСР был учрежден 17 мая 1932 года на заседании Оргбюро ЦК.

участь постигла и все остальные сферы искусства. 16 декабря 1935 года было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об организации Всесоюзного комитета по делам искусств»; новосозданному ведомству поручалось «руководство всеми делами искусств, с подчинением ему театров, киноорганизаций, музыкальных и художественно-живописных, скульптурных и иных учреждений».¹ 17 января 1936 года постановлением ЦИК и СНК СССР был образован Всесоюзный Комитет по делам искусств.² Сфера официальной культуры оказалась искусственно поделена на две институционально оформленные части, которые в свою очередь были подчинены ЦК. Однако в рамках Комитета по Сталинским премиям две эти части оказывались вновь объединены и могли зримо влиять друг на друга. Такая ситуация не могла не вызвать усиление конфликтных настроений в среде чиновников от культуры: борьба не столько за институциональные ресурсы, сколько за возможность влиять на изгибы «партийной линии» в советском искусстве ожесточилась именно в военные годы, определив характер культурной политики всего позднего сталинизма.

2.

Контуры этой «культурной войны» наметились еще в конце 1930-х годов. 25 января 1939 года Фадеев становится секретарем нового состава президиума правления писательской организации. В первой половине декабря того же года Храпченко занимает пост председателя Комитета по делам искусств³ (фактически руководил ВКИ с апреля 1939 года). Уже тогда сложилась весьма напряженная обстановка и первый удар по

¹ Цит. по: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. С. 281.

² См.: Постановление ЦИК и СНК Союза ССР «Об образовании Всесоюзного Комитета по делам искусств при СНК Союза СССР», 17 января 1936 г. // Советское искусство. 1936. № 4 (290). 22 января. С. 2.

³ Тогда же Храпченко вместе с А. В. Солодовниковым побывали у Л. М. Леонова, где последний прочел им новую пьесу «Метель». Чиновник высоко оценил этот текст. 8 января 1940 года Леонов прочел пьесу в редакции «Советского искусства», а уже 14 января 1940 года фрагмент «Метели» появился в подконтрольной Комитету по делам искусств газете.

неокрепшей репутации Храпченко был нанесен осенью следующего года. 18 сентября 1940 года Политбюро ЦК (двумя днями ранее такое же решение приняло Оргбюро) приняло постановление «О пьесе „Метель“»,¹ которое в основных своих тезисах вторило записке П. Н. Поспелова и Д. А. Поликарпова,² покровительствовавших секретарю писательской организации. Кроме того, в документе содержалась и угроза смещения Храпченко с должности в случае повторения подобных «политических ошибок». Очевидно, что мишенью этого постановления был отнюдь не любимец М. Горького Леонов, еще 18 мая 1939 года писавший Сталину о незаслуженно «издевательском» отношении к нему критиков и представлял на суд Сталина свою «писательскую судьбу».³ В. В. Перхин писал:

После этого [постановления] имя Храпченко в связи с «Метелью» нигде не упоминалось, хотя автор был подвергнут «идеологической порке» на собрании писателей 23 сентября [1940 года]. Против пьесы выступили А. А. Фадеев, В. В. Вишневский, К. Я. Финн, И. Л. Альтман, А. С. Гурвич, Н. Н. Асеев.⁴

Ответный удар не заставил себя ждать. 21 сентября 1940 года вступило в силу постановление Оргбюро ЦК «О Литературном Фонде Союза Советских Писателей и о фондах Управления по охране авторских прав», в котором содержалось требование

...изъять из ведения Союза [советских писателей] Литературный Фонд СССР со всеми его учреждениями и подсобными предприятиями, а также Управление по охране авторских прав, передав их в ведение Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР.⁵

---

¹ Тогда же Молотов подписал почти идентичное постановление № 1722 Совнаркома СССР (см.: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 42. Ед. хр. 22. Л. 5).

² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Ед. хр. 160. Л. 131–132. Документ опубликован в: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 45–46.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 761. Л. 49.

⁴ Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств, апрель 1939 — январь 1948: Свод писем. М., 2007. С. 25.

⁵ Цит. по: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 49.

Писательская организация буквально лишилась средств на поддержание собственной «боеготовности», а все расходы попали под контроль ведомства, возглавляемого Храпченко. Кроме того, правление Союза писателей обвинялось в отступлении от своих прямых обязанностей, заключавшихся в «управлении литературой». 28 сентября 1940 года Храпченко сообщил в ЦК о бесконтрольном расходовании средств Литфонда и подытожил: «В результате этого происходило открытое разбазаривание огромных государственных средств, имели место вопиющие безобразия».¹ С началом войны конфликт хоть и ослаб, но ни одна из сторон не упускала возможность укрепить свои позиции в борьбе за власть. Именно поэтому оказалась возможной описанная выше попытка передела в Союзе писателей. Слабостью Фадеева не удалось воспользоваться в полной мере. После краткосрочного периода буквального отсутствия контроля над ССП началось жесткое и стремительное усиление авторитарных тенденций в руководстве писательской организации. Фадеев готовился к очередной атаке.

Ликвидация «Литературной газеты» и создание на ее месте «Литературы и искусства» также создавали условия для ужесточения конфронтации. Фактически обе организационные структуры — Союз писателей и Комитет по делам искусств — были задействованы в «культурном производстве», но каждая из этих структур была заинтересована в продвижении собственных интересов. Относительная нормализация социально-политической обстановки актуализировала былые разногласия. Но у обеих сторон конфликта сохранялось осознание необходимости действовать аккуратно, наносить единичные, но прицельные удары по противнику. Секретарь писательской организации решился на реванш. 31 марта 1942 года прямые подчиненные Фадеева П. Г. Скосырев и Е. И. Ковальчик от лица президиума и парткома Союза писателей адресуют Г. Ф. Александрову записку с просьбой вернуть Литфонд в систему писательской организации. В тексте утверждалось:

За истекшие полтора года президиум ССП СССР убедился, что выделение Литфонда из его системы не только

¹ Цит. по: Там же. С. 50.

не улучшило и не упорядочило работу Литфонда, а создало для него и для Союза писателей целый ряд дополнительных трудностей.

<...>

На президиум ССП и Литфонд легли задачи повседневной-творческой и материально-бытовой помощи писателям-фронтовикам, эвакуированным и семьям Членов ССП.¹

И далее:

...президиум ССП СССР просит санкционировать возвращение Литфонда в его систему, тем более что до настоящего времени передача Литфонда Комитету по делам искусств не была оформлена соответствующим правительственным постановлением.²

Следующим шагом Фадеева стала вышеупомянутая записка с прилагавшимся проектом решения, направленная в Агитпроп ЦК 16 июля 1942 года. Целью этого обращения стал вопрос о выводе «Литературы и искусства» из-под контроля хрпачинковского Комитета. Фадеев писал:

Практика показала, что передача газеты «Литература и искусство» в систему издательства «Искусство» нецелесообразна. <...> Издательство «Искусство» подчиняется Комитету по делам искусств, а газета является одновременно и органом Союза советских писателей СССР и Комитета по делам кинематографии. Это, в свою очередь, лишает возможности влиять на административную и хозяйственную деятельность аппарата редакции.³

Интересно, что строится эта записка примерно на тех же риторических приемах, что и цитированное выше обращение Скосырева и Ковальчик. Можно предполагать, что ответственный редактор «Литературы и искусства» был причастен к созданию обоих посланий в Агитпроп. С течением времени позиция Фадеева в роли руководителя Союза писателей все укреплялась: большое число литераторов находило решение своих проблем в обращении к нему напрямую

---

¹ Цит. по: «Мы предчувствовали польханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Документы и комментарии. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. М., 2015. Т. 2. Кн. 1. С. 371.

² Цит. по: Там же. С. 372.

³ Цит. по: Там же. С. 482.

(сохранилось довольно большое число адресованных Фадееву писем с просьбой посодействовать в том или ином вопросе), что благотворно сказывалось на репутации будущего «генсека» ССП. Заручившись поддержкой «работников литературы», Фадеев ощутил возможность максимально расширить свои полномочия и установить полный контроль над Союзом. По-видимому, тогда с ним случился очередной приступ «литературного политиканства», которое, как писал Симонов, «судорожно овладевало Фадеевым, вопреки всему тому главному, здоровому и честному по отношению к литературе, что составляло его истинную сущность».¹ 19 декабря 1942 года президиум правления Союза писателей СССР в лице Н. Н. Асеева, В. И. Лебедева-Кумача, Л. С. Соболева и А. Н. Толстого принял соответствующее постановление, даровавшее Фадееву всю полноту власти. В документе это требование сформулировано прямо:

Уполномочить члена и секретаря президиума Союза советских писателей СССР тов[арища] Фадеева Александра Александровича: управлять, заведовать и распоряжаться всеми делами, средствами и имуществом Правления Союза советских писателей СССР...²

Ослабление государственного контроля над художественной жизнью оказало сильное влияние на формирование *низовой инициативы* в среде творческих работников. Именно они ощущали себя в праве перенять функции надзора не только за работой Союза писателей, но и за литературным производством в целом. Редкие вмешательства партии в дела культуры становились своего рода сигналом к действию: доходило до того, что каждый сколько-нибудь сведущий в писательском деле человек считал своим долгом отреагировать на упадок литературной критики и непременно найти виновных. Чаще всего обвинения звучали в адрес Фадеева, и репутация писателя серьезно страдала каждый раз, когда их критическая масса перерастала в очередную докладную записку или пар-

¹ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1989. С. 192.

² Цит. по: «Мы предчувствовали польханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1. С. 603.

тийное постановление. Несколько иным было положение Храпченко. Чаще всего его работа подвергалась критике в правительстве, когда упущение на «культурном фронте» напрямую вытекало из его личного решения. В остальных случаях «прорабатывался» непосредственный «виновник». Война превратила некогда активное противостояние в тлеющий конфликт. В послевоенный период разногласия между Фадеевым и Храпченко обостряются вновь.

3.

Вся смыкавшаяся с культурой советская публичная сфера в годы позднего сталинизма буквально «раскололась» на две части: литературная индустрия подчинялась «писательскому генсеку» Фадееву безраздельно, даже когда он номинально не стоял во главе Союза писателей, а во власти «маршала советского искусства» Храпченко находилось сразу девять управлений, входивших в систему Комитета по делам искусств (музыкальных учреждений, музыкальных театров, драматических театров, по контролю за репертуаром, изобразительного искусства, цирка, учебных заведений, кадров, промышленных предприятий и снабжения). Кроме того, в ведении Храпченко находились шесть издательств: «Искусство», «Музыка», «Советский художник», «Советский график», «Издательство ВТО» и «Издательство Музфонда». Видимость баланса между двумя полюсами культурной жизни обеспечивалась благодаря тактике локальных репутационных ударов, которой Фадеев мастерски овладел еще в 1920-е годы. От раза к разу Храпченко оказывался втянутым во все более неоднозначные ситуации, и от раза к разу принимаемые чиновником решения оказывались все более спорными.

В начале апреля 1946 года бывший директор Третьяковской галереи (1939–1941) П. И. Лебедев, занимавший должность заведующего отделом искусства Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), обратился к Жданову с жалобой на растущую гегемонию председателя ВКИ. В частности, он обвинил Храпченко в полном контроле над газетой «Советское искусство» и журналом «Театр», откуда по поручению чиновника изымались все материалы, которые могли

послужить хотя бы косвенными поводами к дискредитации не только его деятельности, но и работы всего Комитета. Перхин пронизательно отмечал, что

власть Храпченко, как, впрочем, и всех высоких руководителей в авторитарном государстве, зависела от доверия к нему Сталина. Вкусы генсека и председателя ВКИ были во многом различны. В 1940–1942 годах Сталин отверг одобренные Храпченко пьесы «Батум» Булгакова, «Метель» Леонова, «Иван Грозный» Толстого, не согласился с предложением дать [Сталинскую] премию Немировичу-Данченко за спектакль «Три сестры». Но он ценил организаторские способности руководителя искусства, особенно после того, как увидел их сам, когда в Большом театре шло прослушивание оркестра и хора, исполнявшего различные варианты гимна. В марте 1946 г[ода] на пленуме ЦК ВКП(б) рассматривали вопрос «Об образовании Правительства СССР — Совета Министров СССР». Сталин оставил Храпченко на своем посту.¹

18 апреля 1946 года Жданов созвал экстренное секретное совещание по улучшению агитационно-пропагандистской работы, на котором Храпченко подвергся «проработке» за проводимую им линию в советском искусстве. Явно адресуясь к тезису Лебедева, Жданов отметил:

Мы должны организовать критику от авангарда до народа, потому что тов[арищ] Сталин говорил, что издеваются над народом, показывают графьев и князьев, просто нет заботы о народе. Кто же должен конкретизировать требования советского народа и требования партии. В этом отношении мы должны направить ведомственные газеты, которые делают критику не в интересах народа, не в интересах страны в самом широком смысле, а в интересах Храпченко и его ведомства. Кто же может исправить ведомственную установку, которая извращает дело и противоречит интересам народа? Конечно, только партийное вмешательство через свою критику, через организацию своей критики партийной в противовес ведомственной. Будет образец, эталон для того, чтобы эти газеты не погибли.²

¹ Цит. по: Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко. С. 73. См.: Постановление Верховного Совета СССР «Об образовании Правительства СССР — Совета Министров СССР» от 19 марта 1946 года // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 35. Ед. хр. 13а. Л. 118.

² Цит. по: Сталин и космополитизм. 1945–1953: Документы Агитпропа ЦК М., 2005. С. 49. Подчеркнуто в тексте документа. — Д. Ц.

Очевидно, что этот и ряд далее прозвучавших упреков ставил Храпченко в уязвимое положение. Жданов расценил решения чиновника как «вредные», идущие вразрез с интересами народа, из чего впоследствии вырастут обвинения в пропаганде антипатриотических взглядов, которые приведут к погромным кампаниям 1949–1950 годов. С этого момента деятельность председателя Комитета по делам искусств была взята под особый контроль ЦК. Вскоре последовал очередной удар по репутации «поборника искусства ради искусства». 10 июля 1946 года Еголин и Лебедев выступили в «Культуре и жизни» со статьей «О репертуаре драматических театров», ставшей своеобразным «прологом» к одноименному постановлению. Вся ответственность за упадок драматургии и широкое распространение «безыдейных пьес» возлагалась на Комитет по делам искусств. Храпченко попытался дать отпор чиновникам из Агитпропа, но эта попытка оказалась безуспешной.¹ Жданов ответил на просьбу чиновника о приеме отказом. Храпченко ввязался в конфликт со Ждановым, что в буквальном смысле предрешило судьбу «эстетствующего» налитпостовца в роли «руководителя советского искусства». Череда постановлений 1946 года стала главным стимулом к скорейшему разрешению конфликта между Фадеевым и Храпченко. Начиная с сентября того же года векторы их репутации начнут двигаться в противоположные стороны: стремительное падение авторитета председателя ВКИ станет выгодным контекстуальным фоном для настоящего карьерного взлета вновь назначенного генсека ССП. 2 сентября 1946 года Лебедев опубликовал на страницах «Правды» статью «За высокую идейность советского театра», где прямо обвинил Комитет по делам искусств, работа которого якобы была организована в интересах одного лишь председателя.² 30 сентября 1946 года Храпченко выступил в Малом театре на общегородском собрании работников московских театров, драматургов и театральных критиков

---

¹ О подробностях обращения Храпченко к Жданову см.: Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко. С. 92–93.

² См.: *Лебедев П.* За высокую идейность советского театра // Правда. 1946. № 209 (10291). 2 сентября. С. 2.

с саморазоблачительной речью, в которой признал недостатки работы Комитета и взял персональную ответственность за допущенные ошибки.¹ Вскоре критические атаки на Храпченко учащаются, а главным их риторическим орудием станет тезис о несогласии председателя ВКИ с «требованиями общественности» во взглядах на пути развития советской культуры. Последним выступлением Храпченко (в должности председателя Комитета по делам искусств) в печати оказалась статья «Расцвет советского искусства», напечатанная в «Огоньке» (№ 45 (1066)) 9 ноября 1947 года. Через несколько месяцев, 26 января 1948 года, постановлением Политбюро Храпченко будет снят с занимаемой должности и, как следствие, навсегда оторван от руководства художественной жизнью.² С этого момента и вплоть до конца сталинского правления будет организована борьба с «наследием» Храпченко в советской культуре: 6 марта 1948 года закрывается Музей нового западного искусства³, будут запрещены восемь произведений Шостаковича (Симфонии № 6, № 8 и № 9, Концерт для фортепьяно с оркестром, «Октет», Соната № 2 для фортепьяно, «Романсы на стихи английских поэтов» и «Афоризмы»), сократится государственное дотирование театров.

Важным аспектом конфронтации оказывалась и борьба мнений Фадеева и Храпченко на пленумах Комитета по Сталинским премиям и дальнейших кулуарных обсуждениях кандидатов в Политбюро. Стоит отметить, что изначально положение конкурирующих сторон в контексте работы Комитета не было одинаковым: Храпченко обладал правом на внесение корректив в списки рекомендованных кандидатур, а его мнение учитывалось в протоколах отдельной графой. Он вносил правки (с обоснованием и комментариями) и формировал проект постановления, который и обсуждал-

¹ См.: Советская пьеса — основа репертуара, [редакционная] // Литературная газета. 1946. № 41 (2304). 5 октября. С. 1.

² Подробнее об обстоятельствах смещения Храпченко с должности председателя ВКИ см.: Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко. С. 116–124.

³ Подробнее об истории этой институции см.: *Яворская Н. В.* История Государственного музея нового западного искусства (Москва): 1917–1948. М., 2012.

ся в Политбюро. (В послевоенный период будет введена практика создания специальных комиссий, контролирующих процесс формирования лауреатских списков¹). Вместе с тем позиция Фадеева во многом задавала тон дискуссии на заседаниях в Комитете, а не только на обсуждениях внутри литературной секции. Он в большей мере мог влиять на списки кандидатов на этапе их формирования, тогда как Храпченко лишь незначительно корректировал уже итоговые документы.² Тем не менее, экспертные заседания нередко становились фронтом этой «культурной войны»: стенограммы сохранили множество сюжетов из истории этого противостояния. Так, спор в Комитете в марте 1943 года о кандидатуре Б. Л. Пастернака, продвигаемой Асеевым и Храпченко, или несостоявшееся выдвижение комедии Леонова «Обыкновенный человек» в апреле 1946 года, подавленные авторитетом Фадеева, могут восприниматься как очередные проявления описанного конфликта уже не столько институций, сколько людей, эти институции возглавлявших. Однако все эти разногласия основывались на несовместимости эстетических взглядов двух сталинских культуртрегеров. Дело в том, что для Фадеева в деле присуждения премий именно *трудоёмкость* выполнения служила подлинным критерием мастерства того или иного кандидата. Эта подробность позволяет

---

¹ После принятия разгромных постановлений Храпченко будет вынужден подчиняться Жданову, который станет неизменным председателем нескольких таких комиссий. Принятие решений в Комитете по Сталинским премиям с 1946 года будет напрямую зависеть от позиции Агитпропа и личных предпочтений Жданова, которые, к слову сказать, не всегда совпадали со вкусами Сталина (не единожды Храпченко будет пытаться пользоваться этой разобщенностью симпатий).

² Тем не менее влияние Храпченко в Комитете по Сталинским премиям также было довольно велико. На его стороне был А. Н. Толстой, занимавший место председателя литературной секции. Поддержка Толстого со стороны Храпченко отчетливо прочитывается по стенограммам пленумов. Однако с середины 1942 года в товарищеских взаимоотношения наметится разлад. Но предвзятое отношение Толстого к Фадееву не изменится, о чем секретарь ССП напишет в ответном письме к А. И. Безыменскому 11 января 1943 года: «...всему свету известно о довольно плохом и при этом застарело плохом отношении Толстого ко мне...» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 642. Л. 99). Документ опублик. в: Александр Фадеев. Письма и документы: Из фондов Российского Государственного Архива литературы и искусства. М., 2001. С. 121–122.

несколько более точно говорить о характере эстетических разногласий Фадеева и Храпченко. Ключевым расхождением в их взглядах на культуру был по-разному понятый постулат «художественного качества». Если для председателя писательской организации его специфика связывалась с сугубо количественным показателем (хотя Фадеев высоко ценил литературу и, когда мог, старался помогать талантливым писателям¹), то для председателя Комитета по делам искусств ключевыми оказывались внутренние параметры произведения, его эстетическая ценность.

Во второй половине 1940-х годов происходило масштабное урегулирование всей индустрии советского культурного производства. В начале апреля 1946 года Фадеев официально стал председателем Комитета по Сталинским премиям (однако еще до обнародования соответствующего постановления Совета Министров № 737 Фадеев занял руководящую позицию и приступил к «наведению порядка» в делах Комитета). Карьера Храпченко складывалась не столь удачно. На этот раз Сталин не поддержал его кандидатуру на посту председателя Комитета по делам искусств. 26 января 1948 года постановлением Политбюро он был освобожден от своих обязанностей, а на его место утвержден П. И. Лебедев. Следом же Храпченко был исключен и из экспертного состава Комитета по Сталинским премиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Фадеев. Письма и документы: Из фондов Российского Государственного Архива литературы и искусства. М., 2001.
2. Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999.

---

¹ О страстной любви Фадеева к искусству в середине 1950-х годов писал К. Федин: «Александр Фадеев был богато наделен чуткостью к искусству. Он ненасытно любил театр, музыку, живопись, любил человеческое и человеческое слово. И я уверен, — больше и нежнее всего он любил поэзию. Не столь уж часто встречаешь у прозаиков страсть к чтению стихов. Фадеев читал их именно со страстью, слушал, как музыкант слушает оркестр, ценил, как поэт ценит поэтов» (цит. по: *Федин К. А.* Писатель, искусство, время. М., 1957. С. 153).

3. Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств, апрель 1939 — январь 1948: Свод писем. М., 2007.
4. «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг.: Сб. документов. М., 1994.
5. «Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Документы и комментарии. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. М., 2015. Т. 2. В 2 кн.
6. Сталин и космополитизм. 1945–1953: Документы Агитпропа ЦК. М., 2005.
7. *Яворская Н. В.* История Государственного музея нового западного искусства (Москва): 1917–1948. М., 2012.

REFERENCES

1. Aleksandr Fadeev. Pis'ma i dokumenty: Iz fondov Rossijskogo Gosudarstvennogo Arhiva literatury i iskusstva. M., 2001. (In Russ.)
2. Vlast' i hudozhestvennaya intelligenciya: Dokumenty CK RKP(b) — VKP(b), VCHK — OGPU — NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953. M., 1999. (In Russ.)
3. Deyateli russkogo iskusstva i M. B. Hrapchenko, predsedatel' Vsesoyuznogo komiteta po delam iskusstv, aprel' 1939 — yanvar' 1948: Svod pisem. M., 2007. (In Russ.)
4. «Literaturnyj front»: Istoriya politicheskoj cenzury 1932–1946 gg.: Sb. dokumentov. M., 1994. (In Russ.)
5. «Мы predchuvstvovali polyhan'e...»: Soyuz sovetskih pisatelej SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Dokumenty i kommentarii. Iyun' 1941 — sentyabr' 1945 g. M., 2015. T. 2. V 2 kn. (In Russ.)
6. Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953: Dokumenty Agitpropa CK. M., 2005. (In Russ.)
7. *Yavorskaya N. V.* Istoriya Gosudarstvennogo muzeya novogo zapadnogo iskusstva (Moskva): 1917–1948. M., 2012. (In Russ.)